

Проблемы логики и методологии науки

УДК 165.1

DOI: 10.15372/PS20240401

EDN DINXZL

А.А. Шевченко

ОТ ЗНАНИЯ К ПОНИМАНИЮ

В статье рассмотрены две основные эпистемические установки – знание и понимание, варианты их соотношения и динамика соответствующих представлений в современной эпистемологии и философии науки. Показано, что сдвиг интереса в сторону понимания произошел во многом вследствие неудовлетворенности классическим трехчастным определением знания и необходимостью реагировать на ситуации геттиеровского типа. Отдельно рассмотрена ситуация разрыва между знанием и пониманием – так называемая возможность «знания без понимания», уточнены отличительные характеристики и особенности понимания в познавательной деятельности, а также показаны опасности и возможные социальные последствия разрыва между знанием и пониманием.

Ключевые слова: субъект познания; объективность; истина; виды знания; пост-правда; проблема Геттиера

A.A. Shevchenko

FROM KNOWLEDGE TO UNDERSTANDING

The article considers two main epistemic attitudes – knowledge and understanding, variants of their correlation and dynamics of the respective ideas in contemporary epistemology and philosophy of science. It is shown that the shift of interest towards understanding has largely occurred due to dissatisfaction with the classical three-part definition of knowledge and the need to respond to Gettier-type situations. The gap between knowledge and understanding, i.e. the so-called possibility of “knowledge without understanding”, is considered separately. The distinctive characteristics and features of understanding in cognitive activity are specified. The dangers and possible social consequences of the gap between knowledge and understanding are explicated.

Keywords: cognitive subject; objectivity; truth; kinds of knowledge; post-truth; Gettier problem

Как знание, так и понимание принято считать основными целями научной и познавательной деятельности, а также критериями ее успешности. Однако их относительная ценность со временем меняется. Традиционно в философии науки и теории познания приоритет отдавался именно знанию. Это позволяло сохранять установку на «бессубъектность» научного знания, что широко трактовалось как синоним его объективности. Введение же в философский дискурс представления о понимании немедленно требует разговора и о субъекте понимания со всеми сопутствующими осложнениями.

По словам К. Гемпеля, «такие выражения, как “область понимания” и “поддающийся пониманию” (*comprehensible*), не принадлежат к словарю логики, поскольку они относятся к психологическим и прагматическим аспектам объяснения» [8, р. 413]. И даже проведенное им совместно с Р. Оппенгеймером дополнительное различие между «пониманием в психологическом смысле – чувством эмпатической близости» и «пониманием в теоретическом, или когнитивном, смысле – представлением объясняемого явления как частного случая некоторой общей закономерности» [8, р. 257] не позволило полностью преодолеть предубеждение в отношении понимания. Кроме того, очевидное преимущество знания по сравнению с пониманием состоит в том, что оно может быть представлено в привычной и удобной пропозициональной форме, которая позволяет реконструировать тезис и аргументы, оценивать их на истинность и ложность.

Однако при этом и в классической традиции понимание могло считаться *условием* знания. А само понимание уже могло быть реализовано разными способами, например посредством создания моделей – именно так видел задачу ученого физик У. Томсон (лорд Кельвин). «Мне кажется, – писал он, – что когда мы спрашиваем себя, понимаем ли мы, или не понимаем соответственной физической проблемы, то смысл этого вопроса таков: в состоянии ли мы построить соответственную механическую модель» (цит. по: [1, с. 85]). Если желаемая модель не может быть построена, то, по его мнению, не может быть достигнуто и понимание, а вместо знания приходится довольствоваться верой.

Э. Геттиер и проблема с классическим определением знания

В последнее время в современной эпистемологии имеет место очевидный сдвиг интереса в сторону понимания. Одной из причин

этого стали проблемы, выявленные Э. Геттиером [7], который обратил внимание на сценарии, где обоснованные истинные убеждения формируются благодаря удаче или совпадению, не имея подлинной связи с истиной. Такие случаи демонстрируют потенциальный разрыв между наличием обоснованных истинных убеждений и подлинным знанием чего-либо. Многочисленные попытки борьбы с «эпистемической удачей», поиски так называемого «четвертого условия» знания (которое бы дополняло те три, что уже содержатся в классическом определении знания) не принесли особых результатов.

Классическое же определение знания как обоснованного истинного убеждения оставляет возможность достижения знания без понимания. Можно иметь истинное убеждение, полученное посредством надежных процессов, например заучивая наизусть формулу, не понимая при этом основополагающих принципов или того, как эта формула была получена. В связи с этим встает вопрос: действительно ли такое убеждение является знанием? Аналогичная проблема возникает и с другими частями формулы. Разные теории обоснования предлагают разные способы обоснования. Так, эвиденциализм подчеркивает важность доказательств для обоснования убеждений. Однако обладание доказательствами не обязательно влечет за собой их понимание, например можно иметь статистические свидетельства о наличии корреляции, не понимая ее причинно-следственного механизма. Релейабилизм, в свою очередь, делает акцент на надежности процесса, в ходе которого формируется убеждение. Хотя надежный процесс может приводить к истинным убеждениям, он также не гарантирует понимания. Примером такого процесса могут служить известные взаимодействия в «китайской комнате» Дж. Сёрла.

Что же позволяет связать знание с пониманием? Наиболее распространенный ответ состоит в том, что роль такого «мостика» играет объяснение, посредством которого мы и можем получить дополнительные когнитивные преимущества. П. Липтон выделяет четыре вида таких преимуществ: 1) знание причин, вызвавших то или иное событие; 2) знание о том, что событие случилось с необходимостью; 3) знание о том, что реализовалась возможность наступления события; 4) знание об «унификации» – о том, что явление или событие вписываются в какую-то более общую объяснительную схему или картину мира [9, p. 13].

Понимание и «знание-как»

Современные дискуссии о природе знания во многом обязаны идеям Г. Райла, изложенным им в лекции 1945 г. «Знание-как и знание-что» [10] и во второй главе монографии 1949 г. «Понятие сознания» [2]. «Знание-как» относится к способности выполнять определенные умственные или физические задачи, такие как решение математической задачи, игра на музыкальном инструменте или приготовление пищи. «Знание-что» – знание пропозициональное, относится к информации, которую человек приобретает в процессе обучения или опыта. Этот тип знания включает в себя знание фактов или теорий и часто рассматривается как основа для всех других видов знания. Сам Г. Райл, однако, был против сведения «знания-как» к пропозициональному. Согласно его точке зрения, мы знаем, как выполнять некоторое действие (например, ездить на велосипеде) в том случае, если у нас есть умение или диспозиция успешно это делать. Пропозиции же («знание-что»), по убеждению Г. Райла, «инертны» в плане влияния на поведение человека (*behaviorally inert*). Поскольку понимание в качестве объекта обычно подразумевает именно пропозициональное содержание, можно сделать вывод, что в случае со «знанием-как», т.е. знанием диспозициональным, его связь с пониманием может быть не такой тесной и для некоторых видов практического знания понимание может быть менее важным.

Знание и понимание в науке и философии

Различие между знанием и пониманием особенно актуально в научном познании, где стремление к подлинному пониманию мира природы имеет первостепенное значение. Э. Шредингер в Шермановских лекциях выразил это так: «Каковы своеобразные особые черты нашей научной картины мира? Относительно одной из этих основных особенностей не может возникнуть сомнений. Это гипотеза о том, что проявление Природы может быть понято» [3, с. 72]. Однако история науки изобилует примерами разрывов между знанием и пониманием.

В качестве стандартного примера можно привести птолемеевскую модель Солнечной системы. Астрономы, использовавшие эту модель, обладали неким «знанием» о движении планет, позволяю-

щим делать предсказания. Однако им не хватало подлинного понимания глубинных механизмов, управляющих этими движениями. Переход к модели Коперника, хотя поначалу она была менее точной для предсказаний, обеспечил более глубокое понимание, так как она поместила в центр Солнце и объяснила движение планет с помощью более простых принципов.

В медицине до появления микробной теории болезней существовали различные теории объяснения болезней, включая теорию миазмов Галена (болезнь вызвана плохим воздухом) и учение о гуморах (соках тела), дисбалансе жидкостей в организме, впервые сформулированное еще Гиппократом. Хотя эти теории обеспечивали определенную основу для диагностирования и лечения болезней, им не хватало подлинного понимания глубинных причин. Практикующие врачи могли «знать», что некоторые методы лечения эффективны (например, кровопускание), не понимая, почему они работают (или, зачастую, – почему не работают). Теория микробов произвела революцию в медицине, обеспечив более глубокое и точное понимание причинно-следственных механизмов заболеваний.

В области химии ученые, работавшие с флогистонной теорией горения, имели некое «знание» о горении, но у них не было полного понимания его природы. Кислородная теория Лавуазье дала лучшее объяснение, заменив собой несовершенную концепцию флогистона и обеспечив более адекватное понимание.

В области философии можно вспомнить «проблему индукции». Она демонстрирует проблематичность вывода общих законов из наблюдаемых случаев. Даже если мы наблюдаем некую закономерность множество раз, мы никогда не можем быть уверены, что эта закономерность сохранится в будущем. Мы можем обладать неким «знанием», основанным на прошлых наблюдениях, но у нас нет полного понимания того, почему эта закономерность существует и сохранится ли она.

Эти примеры показывают, что научный прогресс часто предполагает переход от состояния «знания без понимания» к подлинному пониманию, основанному на точных и объясняющих теориях. Стремление к пониманию в науке требует не только точных предсказаний, но и связных объяснений, причинно-следственных механизмов и более глубокого осознания основополагающих принципов, управляющих миром природы.

Отдельно можно упомянуть и неоднозначную роль неэмпирических факторов, например методологических требований. Ученые

часто полагаются на неэмпирические критерии, чтобы сделать выбор между конкурирующими теориями. Так, они могут предпочитать более простые теории, следуя принципу бритвы Оккама, или же выбирать теорию, исходя из ее объяснительной силы или плодотворности. Однако эти критерии не являются чисто объективными и могут зависеть от таких факторов, как преобладающие научные парадигмы, философские убеждения и даже социальные и культурные влияния. Выбор теории на основе этих критериев может привести к тому, что выбранная теория окажется эмпирически успешной, но не будет отражать истинную реальность, также представляя собой форму знания без понимания.

«Знание без понимания» в социуме

Опасные социальные последствия углубляющегося разрыва между знанием и пониманием можно проиллюстрировать с помощью мысленного эксперимента, предложенного Б. Голтее [6]. Речь в нем идет о некотором воображаемом устройстве, которого не существует в природе. Но этот пример вполне подходит и для иллюстрации вероятных ситуаций взаимодействия человека с искусственным интеллектом, при условии, конечно, что мы допускаем возможность строгого и алгоритмического определения «понимания». Б. Голтее описывает некоторое устройство «нейромедиа», предоставляющее полный и легкий доступ к достоверной информации. Хотя на первый взгляд эта технология кажется полезной, Б. Голтее утверждает, что в конечном итоге она лишит нас понимания – важнейшего и, возможно, самого ценного эпистемического блага.

В предложенном мысленном эксперименте дилемма заключается в следующем: если наша главная цель – получение знания и успешное его использование, то разработка и применение нейромедиа будут полезными, однако если понимание имеет более высокую эпистемическую и моральную ценность, то мы не должны использовать такие технологии, даже если они предлагают, казалось бы, легкий и удобный доступ ко всей необходимой информации. Мысленный эксперимент с нейромедиа представляет собой крайний случай «когнитивного аутсорсинга». В реальности мы участвуем в различных формах такого «делегирования», начиная с привлечения экспертов и заканчивая использованием поисковых систем. Когнитивный аутсорсинг, как добровольный, так и вынужденный,

создает ситуацию, когда, благодаря большому количеству экспертных источников мы можем получать знание о чем-то без понимания сути явления или процесса. Такая ситуация становится все более распространенной вследствие растущего разрыва между компетенциями экспертов и широкой публики. По мере того как мы все больше полагаемся на внешние источники, наши собственные когнитивные способности могут ослабевать, что приводит к усилению зависимости и все большему ухудшению понимания.

В своем мысленном эксперименте Б. Голтзе делает акцент на индивидуальных последствиях использования нейромедиа, но широкое распространение такой технологии будет иметь и серьезные социальные последствия. В частности, это может привести к радикальному перераспределению эпистемического труда, когда одни люди или группы людей будут специализироваться на понимании, а другие станут преимущественно потребителями знаний, полученных извне. В связи с этим возникают вопросы о потенциале эпистемического неравенства и его социальных последствиях для общества, в котором понимание сосредоточено в руках немногих. Такое неравенство создает угрозу воспроизведения эпистемической несправедливости на более высоком уровне, когда разрыв между новыми элитами и широкой публикой станет уже непреодолимым. ««Эпистемическая несправедливость» – это несправедливость по отношению к человеку, выступающему именно в качестве источника знания (knower)» [4, p. 1].

Еще одной иллюстрацией проблем, которые уже сейчас возникают вследствие растущего разрыва между знанием и пониманием, является концепция «постправды» в доброжелательной интерпретации С. Фуллера [5]. Хотя обычно термин «постправда» используется в негативном ключе, неверно было бы считать обозначаемый им феномен синонимом лжи, скорее это «пролиферация истин», когда лицензию на высказывания по самым разным темам получают (точнее, присваивают) люди, не имеющие официального признания в качестве экспертов. С. Фуллер согласен с тем, что феномен «постправды» обычно связывают с девальвацией экспертизы и экспертного знания, с умножением числа самопровозглашенных экспертов, заявляющих о своем праве на производство истин. Однако в отличие от большинства социальных теоретиков, рассуждающих о «постправде» исключительно как о социальном зле, средстве обмана и манипуляции, С. Фуллер оценивает ее не столь однозначно.

В его доброжелательной интерпретации этот феномен представлен как инструмент, позволяющий максимально демократизировать доступ к знанию. По его мнению, привычные атрибуты академических экспертов, такие как сертификаты, дипломы и мантии, служат лишь прикрытием корыстных профессиональных интересов, а само «экспертное знание» является лишь инструментом получения академической ренты [5, ch. 4].

При этом оснований сохранять такое положение дел все меньше, поскольку в современных демократических обществах доля людей, получивших университетское образование, высока как никогда. Кроме того, эти человеческие ресурсы объединены сейчас в самые разные социальные сети, прежде всего посредством информационных технологий. Доступ к информации уже не требует академических или корпоративных привилегий. Соответственно, у имеющих официальный «экспертный статус» индивида или группы остается все меньше оснований претендовать на исключительность такого статуса или даже на его сохранение.

При такой трактовке текущей ситуации с «постправдой» она может пониматься как лицензия или инструмент для существенного ослабления эпистемической зависимости по крайней мере от официально признанных «экспертных» источников информации. Более того, ее также можно считать и мощным революционным средством борьбы с уже упомянутой эпистемической несправедливостью, поскольку такая доброжелательная трактовка «постправды» фактически обесценивает формальные «экспертные» привилегии, уравнивая людей не только в потреблении, но и в производстве истин. Обратной стороной медали является как раз угроза растущего разрыва между знанием и пониманием вследствие радикальных изменений в способах и скорости получения, переработки и распространения информации «новыми» экспертами. Оценивать такую радикальную демократизацию познавательного пространства нельзя однозначно. В пределе она может создавать угрозу и целым социальным институтам, таким как институциональная наука. Представляется, что гарантией сохранения привычных экспертных привилегий могут быть только демонстрация и постоянное поддержание высокопрофессиональной экспертизы именно в области понимания, а не только в производстве истин.

Литература

1. Дюгем П. Физическая теория: ее цель и строение. М.: URSS, 2019.
2. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 1999.
3. Шредингер Э. Природа и греки. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотичная динамика», 2001.
4. Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford University Press, 2009.
5. Fuller S. Post-Truth: Knowledge As A Power Game. Anthem Press, 2018.
6. Gaultier B. When is epistemic dependence disvaluable? // Thought: A Journal of Philosophy. 2021. No. 10 (3). P. 178–187.
7. Gettier E. Is justified true belief knowledge? // Analysis. 1963. Vol. 23, Iss. 6. P. 121–123.
8. Hempel C.G. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. N.Y.: Free Press, 1965.
9. Lipton P. Understanding without explanation // Scientific Understanding: Philosophical Perspectives / Ed. by H.W. de Regt, S. Leonelli, K. Eigner. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. – P. 43–63.
10. Ryle G. Knowing how and knowing that // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945. Vol. 46. P. 1–16.

References

1. Duhem, P. (2019). *Phizicheskaya teoriya: ee tsel i stroenie* [The Aim and Structure of Physical Theory]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.).
2. Ryle, G. (1999). *Ponyatie soznaniya* [The Concept of the Mind]. M.: Ideya-Press Publ. (In Russ.).
3. Schrödinger, E. (2001). *Priroda i greki* [Nature and the Greeks]. Izhevsk, Scientific Publishing Center “Regulyarnaya i Khaoticheskaya Dinamika” [Regular and Chaotic Dynamics]. (In Russ.).
4. Fricker, M. (2009). *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford University Press.
5. Fuller, S. (2018). *Post-Truth: Knowledge As a Power Game*. Anthem Press.
6. Gaultier, B. (2021). When is epistemic dependence disvaluable? *Thought: A Journal of Philosophy*, 10 (3), 178–187.
7. Gettier, E. (1963). Is justified true belief knowledge? *Analysis*, Vol. 23, Iss. 6, 121–123.
8. Hempel, C.G. (1965). *Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science*. New York, Free Press.
9. Lipton, P. (2009). Understanding without explanation. In: H.W. de Regt, S. Leonelli & K. Eigner (Eds.). *Scientific Understanding: Philosophical Perspectives*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 43–63.
10. Ryle, G. (1945). Knowing how and knowing that. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 46, 1–16.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич. Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
shev@philosophy.nsc.ru

Information about the author

Shevchenko, Aleksandr Anatolyevich. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia).

Дата поступления 14.11.2024